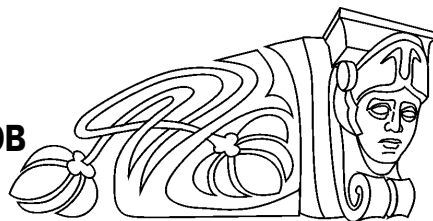

УДК 811.161.1'42

ИНТЕГРАЦИЯ «ОБЩИХ МЕСТ» В КОМПОЗИЦИОННУЮ СТРУКТУРУ ТЕКСТОВ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ

А. М. Абрамова

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: AnnaAM1967@mail.ru

В статье рассматриваются причины и техника интеграции иррациональных, экспрессивных структур – «общих мест» – в композицию текстов литературной критики конца XIX – начала XX в. Определены положения, иллюстрирующие общую тенденцию использования «общих мест» как иррелевантных фрагментов текста, их прагматическая целевая установка, стиливая и эмоционально-экспрессивная реализация.

Ключевые слова: «общее место», микротекст, интеграция, рациональное/иррациональное восприятие, композиционное структурирование, иррелевантность/релевантность.

The Integration of 'Platitudes' into the Composition Structure of the Literary Criticism Texts of the Turn of XIX–XX Centuries

A. M. Abramova

The article describes the reasons and the technique of integrating irrational expressive structures – 'platitudes' – into the composition of the literary criticism texts of the end of the XIX – the beginning of the XX century. The points are identified which illustrate the general tendency of using 'platitudes' as some irrelevant text fragments; their pragmatic purpose, stylistic, emotional and expressive actualization are described.

Key words: "platitude", microtext, integration, rational/irrational perception, composition structuring, irrelevance/relevance.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-3-258-264

Проблема композиционного построения текста оставалась в центре внимания лингвистов на протяжении столетий. «Успех сочинения зависит не столько от важности мысли и совершенства слога, сколько от порядка изложения как общего, так и каждой части сочинения»¹.

Одним из широко используемых приемов организации информации литературно-критических сочинений на рубеже прошлых столетий (конец XIX – начало XX в.) является особое структурно-композиционное планирование текста.

Известно, что текст любой жанровой и тематической направленности состоит из определенных содержательных частей, представляющих собой различные по объему смысловые фрагменты – *микротексты*, способствующие реализации основной концепции *макротекста*. По определению Н. М. Краевской, микротексты – это некие не ограниченные в объеме фрагменты, обладающие «типовым содержанием», соотносящиеся с «целевой установкой говорящего»

и отличающиеся «внутренней содержательной и формальной организацией»². Семантический объем информации текста реализуется его поэтапным композиционным развертыванием. При этом наблюдается и обратная связь: структуру построения текста обуславливает семантический план.

Публицистические тексты (общественно-политическая публицистика) в структурно-семантическом отношении традиционно рассматриваются как рационально-логические (термин, предложенный В. В. Одинцовым³) или «содержательно-рационалистические»⁴. Но литературно-критическая статья, являющаяся особой формой передачи художественно-публицистической информации, в силу ряда факторов основывается не только на рационально-логической структуре организации материала. «Любая убеждающе-организующая массовая информация должна быть эмоционально-заражающей, а не только содержательно-рационалистической... Балансировка противоположных начал, необходимая для своеобразной усредненности или универсализма, захватывает все языковые и внеязыковые возможности, предстает глобальным принципом, явно более широким, чем конструктивный принцип отдельного функционального стиля»⁵. Художественно-публицистическое слово, более чем какое-либо другое, отличается особой эмоционально-экспрессивной нагрузкой.

Взаимосвязь и взаимодействие двух планов – рационального и иррационального – происходит на всех этапах становления художественной мысли. В литературно-критических сочинениях подобный синтез обусловлен, прежде всего, целевой прагматической установкой на интересы читательской аудитории.

Целевая установка может быть определена как *убеждающая*. Задача автора – воздействовать на читателя, убедить его принять свою позицию, которая зачастую может идти вразрез с общепринятым взглядом на творчество данного писателя. В этом случае построение материала разворачивается в сторону эмоционального восприятия. Автор сознательно вводит в текстовую ткань экспрессивные структуры – назовем их *микротекстами*, – которые представляют собой интеграцию эмоций в активное рационально-логическое восприятие читателя.

В процессе рассмотрения некоторых особых механизмов, способствующих композиционному структурированию повествования в литературно-публицистической критике, мы обратили внима-

ние на отдельные микротексты, призванные воздействовать на «бессознательный», чувственный уровень восприятия.

Еще в античные времена, разрабатывая принципы диспозиции, ученые заложили основы использования неких знаменательных частей текста – «общих мест». Эти законченные смысловые фрагменты могли быть включены в структуру текстовой ткани с различной целью, например для эмоционального усиления доводов, и не были закреплены за определенными контекстами. «Они могли быть и отправной точкой рассуждений и эмоциональным заключением»⁶.

Литературная критика конца XIX – начала XX в. широко использовала технику «общих мест», которые в композиционном плане могли выполнять роль и рассудительного вступления, и связующего звена, и эффектного заключения. Но при любой функциональной нагрузке «общие места» «призваны были упорядочить, систематизировать пестроту явлений действительности, сделать эту пестроту легко обозримой для рассудка»⁷.

Они представляют собой микротексты, иррелевантные, на первый взгляд, к основной логической цепи повествования, но, интегрируясь в данный контекст, становятся релевантными, значимыми, весомыми. При этом, воздействуя, как правило, на эмоциональное восприятие, они разнообразят повествование, делают информацию доступной для логического усвоения.

Тематика «общих мест» многообразна, но подавляющее их большинство посвящено вопросам литературы. Авторы используют отступления для представления читателям собственных соображений относительно судьбы русского слова, путей развития поэзии или стиля, сути творчества художника или тенденций развития литературы.

Значительная часть «общих мест» рассматривает вопросы общечеловеческого и общественно-политического плана. Размышления о войне, трагедии мысли, любви, быстротечности всего сущего; социально-аналитические воззрения на урбанизацию, судьбоносные общественно-политические трансформации, определившие ход истории в России, свидетельствуют о том, что русская литературная критика исследуемого периода была голосом не изолированной от жизни группы эстетов, но живым голосом эпохи.

Интеграция «общего места» как введения в композиционную структуру текста

Основной целью введения в повествование любого направления является ознакомление читателя или слушателя (обозначим лицо, воспринимающее информацию, как «реципиент») с главным тематическим содержанием макротекста. Анализ показал, что критические тексты исследуемого периода не нуждаются в отвлеченных введениях, соображениях о каких-либо мо-

ральных или нравственных понятиях. Основная функциональная нагрузка микротекстов, используемых в содержательной структуре критических статей в качестве введения, – это эмоциональный настрой реципиента на общую тональность проспективной информации, своеобразное его «погружение» в область общественно-политических или нравственных характеристик литературной эпохи. В своей косвенной направленности на основной рациональный стержень повествования введение создает добавочный релевантный фактор более полного и объективного художественного анализа. Кроме того, микротекст способствует эмоциональной разрядке автора, который, используя технику «общих мест», вводит некие изолированные общественно-политические или психологические сведения, которые в смысловом плане могут быть более или менее свободны по отношению к тексту:

В зеркале русской литературы, «как солнце в малой капле воды», отразились мировые события – и как мало оказалось в ней людей, которые бы увидели размеры совершающегося, почуяли бы веяние мирового вихря, отдали бы свои творческие силы не оплакиванию и поддержке старого, а строению и рождению нового! О мелкой злобе, о ядовитых брызгах слюны – я уже и не говорю: разверните любой газетный лист, любую книгу этих стражей и блюстителей старого Атланта...

Есть там и искренняя боль за старое, искренное, навеки уходящее, есть и мелкая трусость придавленного вихрем «взбунтовавшегося раба». Ибо, поистине, вот где его царство: в русской литературе, а не в казарме, не на фабрике, не в деревне. Взбунтовавшимся рабом оказался вчерашний «властитель дум», русский писатель во всей своей массе. Стоит ли называть имена?

Звали они революцию – и пришла она. Но пришла не в тишине, не в тихом пламени неопалимой купины, а в грозе и буре народного вихря...

Но есть и видящие, и слышащие. От народных глубин, от «культурных» вершин – поэты и художники радостно и скорбно, но чутко и проникновенно говорят нам о свершающемся в мире. Не боятся они грозы и бури, а принимают ее всем сердцем, и всей душой...⁸

Данный микротекст (в сокращении) взят из статьи Иванова-Разумника «Испытание в грозе и буре», посвященной произведениям А. Блока «Двенадцать» и «Скифы».

Введение представляет собою «общее место», в котором автор предлагает читателю образную трактовку места писателя в общественно-литературной жизни. Критик не вводит имя А. Блока. В микротексте есть только несколько слов, настраивающих реципиента на опосредованную ассоциативную связь информации с творчеством поэта: *мировой вихрь, оплакивание старого, мелкая злоба*. Эти поэтические сигналы вызывают в эмоциональном тезаурусе читателя активный образ: *мировой пожар раздуем; уж мы плакали,*

плакали; старушка убивается – плачет; старый мир; грустная злоба, святая злоба и т. д.

В остальном все сказанное Ивановым-Разумником можно в равной степени отнести к творчеству и В. Брюсова, А. Белого, А. Ахматовой, М. Горького, и других писателей и поэтов. Автор этого и не отрицает. Риторический вопрос, адресованный к читателю: *Стоит ли называть имена?* – несет в себе скрытый ответ: «Не стоит, они у всех на слуху». С какой же целью Иванов-Разумник ввел в повествование этот достаточно объемный фрагмент?

Писатель творит в определенную историческую эпоху, которая диктует темы, образы, отбор художественных средств. Не просто А. Блок и не только А. Блок, а «А. Блок и его время»: эпоха, события – определяют общую тональность творчества поэта. Авторские реминисценции «общего места» становятся своеобразным культурно-историческим кодом в интерпретации фоновых знаний эпохи. «Общее место» Иванова-Разумника подготавливает читателя не к восприятию творчества А. Блока, а к восприятию фигуры поэта на конкретном историческом отрезке: *Но есть и видящие, и слышащие...* – далее следует их подробная характеристика. Так общая информация, не относящаяся, на первый взгляд, к стержневому разворачиванию текста, т. е. информация, в равной степени соотносимая с целым рядом аналогичных текстов (текстов о литературном процессе в данную историческую эпоху), становится релевантной, значимой, способствующей более полному и всестороннему восприятию информации.

Переход от «общего места» к непосредственному анализу, т. е. переход от введения к самой теме, Иванов-Разумник делает молниеносно. В нескольких словах переводит изложение от общих рассуждений к конкретике. При этом и конкретика у автора иносказательна, эмоциональна, как творчество самого поэта:

Видит это мировое и Александр Блок, поэт «розы и креста». И подлинно – крест видит он на русской революции и розой венчает ее. Давно не писал он ничего подобного своей поэме «Двадцать»⁹.

Последняя синтаксическая единица – первое слово собственно литературной критики, начало литературного анализа. Читатель уже «погружен в эпоху», чему способствовало использование автором микротекста – «общего места», и настроен на восприятие.

Показательно, что подобные «общие места» введения, как правило, могут существовать и как самостоятельные значимые текстовые единицы. Они отвлеченны и абстрактны, могут быть предъявлены в других статьях аналогичной тематической направленности, например посвященных творчеству современников поэта. Они рациональны и релевантны сами по себе, в отрыве от макротекста. Но, включенные в контекст анализа творчества писателя, они становятся иррелевант-

ными, так как связаны с фигурой писателя или поэта не прямо, а опосредованно, через фоновые знания и языковой код литературного стиля эпохи. Иррелевантное пространное рассуждение о путях развития мысли интегрируется в макротекст, настраивая реципиента на последующий собственно логический анализ.

Функциональные аспекты интеграции «общих мест» в содержательную структуру текста

Наряду с традиционными видами структурной последовательной связи авторы исследуемого периода широко используют приемы ассоциативной и композиционно-структурной когезии, которые предполагают разрушение привычных форм логической связи, создание в повествовании «второго плана». Автор сознательно вводит в повествование различного рода отступления, тематические отклонения, которые, представляя временные или пространственные описания, непосредственно, на первый взгляд, не связаны с основной линией анализа, но, тем не менее, дополняют и обогащают предлагаемую информацию. Эти отступления, «общие места», могут интегрироваться в текст как на ассоциативном, так и на структурном уровнях, но исследуемый материал дает нам право предложить ассоциативно-структурный уровень, в той или иной степени использующий возможности «родителей». При этом функционально-семантическая роль «общих мест» реализуется в двух направлениях:

– «общее место» представляет собой развернутый экспрессивный микротекст, связывающий предыдущий и последующий рациональные фрагменты в единое структурное целое:

$T + OM + T$,

где T – текст, а OM – общее место;

– «общее место» представляет собой развернутый экспрессивный микротекст, обосновывающий предыдущую рациональную информацию по принципу ассоциативного восприятия:

$T \leftarrow OM + T$.

Анализ данных двух текстообразующих направлений функционирования «общих мест» в текстах литературной критики исследуемого периода дает нам более полное представление об особенностях коммуникативной языковой реализации эпохи.

Охарактеризуем первое направление реализации «общего места» – его использование в качестве *связующего композиционно-структурного элемента*.

Как известно, различного рода отступления от основного рационального стержня усложняют восприятие информации. При этом происходит, прежде всего, усложнение самой рациональной структуры, что само по себе требует дополнительных усилий для восприятия. Наряду с этим

происходит также усложнение экспрессивного материала, который базируется на подсознательном восприятии. Однако данное усложнение активизирует познавательную, творческую энергию реципиента, что в конечном итоге облегчает восприятие информации.

Материал литературной критики исследуемого периода содержит ярко выраженные экспрессивные «общие места», которые безупречно осуществляют причинно-следственную когезию и способствуют композиционной целостности текста.

В статье «Интеллигенция и Революция» А. Блок разворачивает информацию следующим образом: Россия накануне революции – писатели и эпоха – интеллигенция в революции. Между первым и вторым фрагментами автор вводит иррелевантное рассуждение о сущности войны:

...Казалось, что она [империалистическая война] очистит воздух; на самом деле она оказалась достойным венцом той лжи, грязи и мерзости, в которых купалась наша родина¹⁰ (окончание первого фрагмента. – А. А.).

Что такое война? Болота, болота, болота, поросшие травой или занесенные снегом; на западе – унылый немецкий прожектор – шарит – из ночи в ночь; в солнечный день появляется немецкий фоккер... иной раз методически сбросит бомбу; бомба упадет иногда – на кладбище, иногда – на стадо скотов, иногда – на стадо людей, а чаще, конечно, в болото...

Люди глядят на все это, изнывая от скуки... сюда уже успели перетащить всю гнусность довоенных квартир: измены, картеж, пьянство, ссоры, сплетни. Европа сошла с ума: цвет человечества, цвет интеллигенции сидит годами в болоте, сидит с убеждением... на узенькой тысячеверстной полоске, которая называется «фронт»¹¹.

Фрагмент завершается следующим выводом:

Трудно сказать, что тошнотворнее: то кровопролитие или то безделье, та пошлятина... имя обеим – «великая война», «отечественная война», «война за освобождение угнетенных народностей», или как еще? Нет, под этим знаком – никого не освободишь... Вот когда действительно хамело человечество, и в частности – российские патриоты¹².

Данный микротекст мы приводим в сокращении, сохранив те характеристики, которые являются, на наш взгляд, определяющими. Основная мысль «война – это отвратительно» представлена развернутой метафорой «война – это болото». Понятие «болото» обладает значительной коннотативной семантикой: это и скука, и кровопролитие, и нравственное разложение, и т. д. Автор выступает как действующее лицо, обвинитель, отстаивающий свое неприятие войны. Авторская оценочная модальность выражена релятивно – лексемы *болото, стадо, кладбище* и т. п., словарная дефиниция которых не фиксирует оценочного компонента,

как будто бы не должны нести экспрессии. Но в микротексте они взаимодействуют со словами ярко выраженной экспрессивной оценочности – *глазеть, уныло, картеж, пошлятина* и т. п. (выделенные в примерах) и выражают экспрессию, нагнетая второстепенный иррациональный план восприятия. Возникают антитезы – эмоционально и символически сопоставленные или контрастирующие образы: *стадо скотов/стадо людей; стадо людей/цвет человечества; кровопролитие/скука, пошлятина; кровопролитие или безделье/великая европейская война* и т. д.

Экспрессивно-философское рассуждение о сущности войны представляет самостоятельный микротекст, который, тем не менее, исполняет роль связующего звена между предыдущим рассуждением об эпохе с последующим анализом роли российской интеллигенции в период значительных общественно-политических метаморфоз. Микротекст имеет завершенную структуру, но способен трансформироваться в более или менее объемные фрагменты.

Представим этот фрагмент без авторского отступления. Без экспрессии интегрируемого микротекста рациональное повествование несколько теряет логическую последовательность.

Исследование показало, что эмоционально-экспрессивное «общее место» всегда используется в литературной критике для усиления строгой рациональной последовательности изложения информации. Экспрессия дополняет и развивает рационализм. Особенно ярко эта особенность проявляется в творчестве М. Волошина, Р. Якобсона, В. Воровского и других мыслителей-публицистов, писателей, поэтов, выступавших в области литературной критики конца XIX – начала XX в.¹³

Вторым направлением реализации «общего места» является его использование в качестве средства ассоциативной аргументации. Эта роль обусловлена тем, что основным критерием адекватного восприятия является вера в истинность информации. В связи с этим тщательная аргументация – один из самых действенных рычагов воздействия на реципиента. Любая сентенция должна быть максимально обоснована. Неподтвержденная, сомнительная, двулика информация не обретет сторонников и не найдет отклика в сознании читателя.

Тезис, т. е. положение, нуждающееся в доказательстве, может рассматриваться как с точки зрения подтверждения, так и в обратном плане – антитезиса. Доказательство тезиса, его обоснованная аргументация – аргументация *ad rem* – основывается на законах логики, т. е. строится на четко определенных рациональных позициях: факты, заведомо истинные суждения, признанные авторитеты.

«Общие места» как средства ассоциативной аргументации строятся по законам иррациональной (например *ad hominem*) аргументации. Здесь основное функциональное значение приобретает

ассоциативность, которая в повествовании не воспринимается спонтанно. Это результат художественно-творческого процесса. В основе ассоциативного развертывания информации лежат такие особенности структуры текста, как субъективно-оценочная модальность, образность, коннотация.

В статье А. Луначарского «Брюсов и революция» читаем:

В его [Брюсова] величавой музыке, его величавых образах заключается и величавая мысль.

Потомство будет спорить и «за» и «против». А кто прав и кто виноват с точки зрения всемирной истории? Вот почему перед нами на века со взором странным стоит Александр, не слушающий своих судей, ибо он есть факт, ибо он есть сила, факт ослепительный, сила мировая, а потом судите и рядите. Как ни величавы эти безликие, которые подымутся «за» и «против» Александра, он, в сущности, не внемлет им... Александр в гробу, среди пляски саламандр так же точно нем, величав и вечен, как в веках перед судом объективных общественных сил и толкований.

Я взял только один пример, их множество. Брюсова, как крупного поэта, не уложишь, конечно, ни в какие программные рамки¹⁴.

Тезис: творчество Брюсова величаво, вне критики. Аргумент: деятельность Александра (Македонского) величаво и объективно вне критики. Схема данного авторского отступления может быть представлена следующим образом:

Величие Александра = Величию Брюсова

↓ ↓
объективно вне критики → вне критики

Здесь «общее место» имеет замкнутую структуру – квадрат. Он не может быть увеличен в объеме, так как в таком случае увеличивается количество параллелей, что неизбежно повлечет нарушение замкнутости фигуры. А. Луначарский подчеркивает эту особенность: *Я взял только один пример, их множество¹⁵.*

Микротекст безупречно структурирован в данном макротексте. Его отсутствие повлечет нарушение логической аргументированной связи:

В его [Брюсова] величавой музыке, его величавых образах заключается и величавая мысль //?// Брюсова, как крупного поэта, не уложишь, конечно, ни в какие программные рамки.

Между *величавой мыслью* и невозможностью *программного подхода* нет связующего звена, и в месте пробела закономерно появление вопроса. Таким образом, данный микротекст так же, как и при предыдущем исследовании, выполняет две функции: $T \leftarrow OM + T$.

Тем не менее, ассоциативное «общее место», аргументирующее предыдущую информацию и формирующее континуум всего макротекста, может быть изъят из данного контекста и помещен в любой другой контекст соответствующей направленности. Это закономерно вследствие природы «общего места».

Аргументирующие экспрессивно оформленные «общие места» могут быть построены не только по принципу аналогии, сравнения, но и по принципу авторского пояснения, уточнения, детализации.

В статье Р. Якобсона «О поколении, растратившем своих поэтов» аргументирующий микротекст несколько отличается от предыдущих иллюстраций. Отличие заключается, прежде всего, в том, что объем данного микротекста может быть изменен в сторону увеличения или уменьшения, но не бесконечного. Отличие также и в том, что аргументация, оформленная экспрессивно, тем не менее, представляет вариант рациональной аргументации (ad rem). Во всем остальном, т. е. в функциональной нагрузке «общего места» в процессе структурирования текста, в ее самостоятельности, она соответствует общему положению: $T \leftarrow OM + T$.

Утратившие – это наше поколение. Примерно те, кому сейчас между 30 и 45-ю годами. Те, кто вошел в революцию уже оформленным, уже не безликой глиной, но еще не окостенелым, еще способным переживать и преображаться...

Уже не раз писали, что первой поэтической любовью этого поколения был Александр Блок. Велимир Хлебников дал нам новый эпос... Хлебников эпичен вопреки нашему антиэпическому времени... В противоположность Хлебникову Маяковский воплотил в себе лирического стихию поколения. Был момент, когда кончалась поэзия символизма, и еще не было ясно, какое из двух новых взаимно-враждебных течений – акмеизм или футуризм – овладеет сердцами... Именем Гумилева означена побочная линия новой русской поэзии – ее характерный обертон... Есенин – лирическая оглядка назад, в стихах и стихе Есенина оставание поколения...

Расстрел Гумилева, длительная духовная агония, невыносимые физические мучения, конец Блока, жестокие лишения и в нечеловеческих страданиях смерть Хлебникова, обдуманное самоубийство Есенина и Маяковского. Так в течение двадцатых годов века гибнут в возрасте от тридцати до сорока вдохновители поколения, и у каждого из них сознание собственной обреченности, в своей длительности и четкости нестерпимое¹⁶.

В данном предельно эмоциональном фрагменте, представленном нами в значительном сокращении, только факты. Но экспрессия присутствует даже в простом перечислении имен. Усиление иррационального влияния происходит и за счет тщательного отобранных лексических средств, снабженных ярко выраженной контекстной дефиницией: *утратившие, безликая, не окостенелые, невыносимые, нестерпимое, расстрел, агония, самоубийства, обреченность*. Экспрессивная антитеза *вдохновители поколений – с сознанием собственной обреченности* усиливает трагические интонации.

Статья посвящена творчеству Маяковского, поэтому в переходном от «общего места» к основному тексту фрагменте появляется фраза – связующее звено. Перечисляя подробности ухода каждого поэта, Якобсон завершает фрагмент:

Еще до смерти две ночи..., а в письме: «Пожалуйста, не сплетничайте, покойник этого ужасно не любил»... И вот он уже смотрит на свои предсмертные строки глазами послеэпиграфического читателя¹⁷.

Данный микротекст структурирован также по принципу замкнутого пространства, но не квадрата, а круга. Схема, очерченная для себя Р. Якобсоном, может быть и уменьшена, и увеличена по количеству сопоставляемых авторов. Это дает возможность развернуть повествование в любое из названных направлений, будь то статья, посвященная творчеству Есенина или Гумилева и т. д. Развертывание информации, предъявленное в «общем месте», имеет ограниченный спектр приложения (по количеству имен, названных в микротексте). Вместе с тем, расширяя фактический материал, возможно расширение и спектра приложения.

Но при любом векторе развернутой информации данный микротекст является рациональной аргументацией основного тезиса, сформулированного ранее: «Утратившие – это наше поколение».

Говоря об интеграции неординарных экспрессивных микротекстов в законченную структуру текста, нельзя не обратить внимания на микротексты, служащие завершением литературно-критического повествования. Данные фрагменты не являются заключением в традиционном значении этого слова, так как не подводят итогов предъявленной информации, не представляют ее в сжатом виде, не напоминают последовательно основные опорные пункты повествования. Они, являясь элементами образной, экспрессивной структуризации, подключают подсознательный экспрессивный тезаурус реципиента. В результате в заключении текста появляется яркий эмоциональный образ, завершающий повествование. Это заключение носит характер апеллирующего финала – финала, обращенного к чувственной стороне восприятия.

Обратимся к краткому заключению статьи Б. Эйхенбаума, посвященной творчеству А. Блока:

1910 год был для Блока годом трех смертей: Комиссаржевской, Врубеля и Толстого.

Последние годы для нас – годы смертей неисчислимых... Но где-то между этими годами или до них скрываются ведь года рождений, нам еще не явленных.

Жизнь продолжается, а вместе с ней – и Возмездие Истории¹⁸.

Микротекст, завершающий информацию, – это горестная констатация фактов – *годы смертей*, но следом автор разворачивает философскую антитезу, заключающуюся в простом и понятном всем движении жизни: нет смерти без рождения.

Автор уговаривает себя и читателя в том, что между годами смерти скрываются *ведь* годы рождения новых художников. Эта частица *ведь*, абсолютно лишенная экспрессии в своей словарной денотативной семантике, в данном контексте приобретает роль сильного, активное, экспрессивного катализатора. Здесь сосредоточена целая гамма чувств: и надежда на то, что жизнь вечна; и поспешные уговоры себя и реципиента в том, что не все так плохо; и радость, что ничто не проходит бесследно. Эта лексема словно звено в цепи, притягивает следующую заключительную мысль: *жизнь продолжается...* И снова – тревожное чувство автора не дает ему возможности поставить жизнеутверждающую точку. Он разворачивает повествование: *...А вместе с ней – и Возмездие Истории*. В подтекст уходят вопросы: Возмездие за что? За ошибки, за преступления, за смерть?

Экспрессивный круг замкнулся. «Общее место» приобрело законченную структуру, но в экспрессивном плане данное заключение обрело некий пессимистический посыл, апеллирующий к чувственной стороне восприятия.

Таким образом, в текстах литературной критики конца XIX – начала XX в. при наличии доминирующей рационально-логической структуры построения широко используется интеграция иррациональных, экспрессивных структур – «общих мест» как иррелевантных эмоционально-экспрессивных микротекстов. Этот прием имел настолько широкое употребление и оказывал настолько значительное влияние на рационально-логическое повествование, что можно вести речь не только об усилительной функции данного варианта развертывания повествования, но и о стилиобразующих признаках структурирования текстов литературной критики.

Взятые вне контекста, иррелевантные на первый взгляд микротексты в макротексте обретали релевантность, способствовали углубленному векторному раскрытию информации. При этом яркий эмоциональный образ «общего места» зачастую становился тем отправным пунктом, с которого начиналось воздействие на рациональное восприятие реципиента.

«Общие места», интегрируемые в макротекст, оформлены как самостоятельные микротексты, законченные структуры, способные трансформироваться по объему в другие. Используемые же в качестве заключения, они представляют собой апеллирующий финал, подчинены цели концентрации экспрессии всего макротекста, служат средством выражения эмоционального пафоса автора и стимуляции эмоциональной и мыслительной деятельности реципиента.

При любой направленности «общие места» являют тематическое своеобразие: как правило, рассуждения в них посвящены вопросам истории литературы или развития языка, общечеловеческим или общественно-политическим вопросам. Во всех вариантах реализации «общие места»

выступают не только средством воздействия на эмоции читателя, но и средством авторской экспрессивной интерпретации аналитической информации, что характерно именно для критики анализируемого периода истории литературы.

Примечания

- ¹ *Одинцов В.* Стилистика текста. М., 1980. С. 134.
- ² *Краевская Н.* Сообщение как жанр устного профессионального общения : лингвометодический подход в описании // Международный институт при ХГУ. URL: <http://repository.ulis.vnu.edu.vn/bitstream> (дата обращения: 26.01.2017). Подробнее о понятии «микротекст» см.: *Краевская Н.* Композиция устного научного текста (жанр доклада) // Разновидности и жанры научной прозы : Лингвостилистические особенности : сб науч. тр. / отв. ред. М. Я. Цвиллинг. М., 1989. С. 70–93.
- ³ См.: *Одинцов В.* Стилистика текста. С. 74.
- ⁴ *Костомаров В.* Русский язык на газетной полосе. М., 1971. С. 37.
- ⁵ *Костомаров В.* Культура речи и стиль. М., 1960. С. 37.
- ⁶ *Одинцов В.* Структура публичной речи. М., 1976. С. 12.
- ⁷ *Аверинцев С.* Риторика как подход к обобщению действительности // Поэтика древнегреческой литературы / отв. ред. С. С. Аверинцева. М., 1981. С. 16.
- ⁸ *Иванов-Разумник Р.* Испытание в грозе и буре («Двенадцать» и «Скифы» А. Блока) // Русская литература рубежа XIX–XX веков. Хрестоматия критических материалов. М., 1999. С. 23–24.
- ⁹ Там же. С. 24.
- ¹⁰ *Блок А.* Интеллигенция и революция // Там же. С. 14.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 15.
- ¹³ Подробнее об этом см.: *Абрамова А.* Функционально-стилистическое своеобразие языковых средств в литературной критике конца XIX – начала XX веков : дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2003.
- ¹⁴ *Луначарский А.* Брюсов и революция // Русская литература рубежа XIX–XX веков... С. 180–181.
- ¹⁵ Там же. С. 181.
- ¹⁶ *Якобсон Р.* О поколении, растратившем своих поэтов // Там же. С. 206.
- ¹⁷ Там же. С. 207.
- ¹⁸ *Эйхенбаум Б.* Судьба Блока // Там же. С. 63.

Образец для цитирования:

Абрамова А. М. Интеграция «общих мест» в композиционную структуру текстов литературной критики рубежа XIX–XX веков // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 258–264. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-3-258-264.

Cite this article as:

Abramova A. M. The Integration of 'Platitudes' into the Composition Structure of the Literary Criticism Texts of the Turn of XIX–XX Centuries. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 258–264 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-3-258-264.